

УДК 821.161.1(091)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)53

ГСНТИ 17.82.09

Код ВАК 10.01.08

Н. С. Цветова
Санкт-Петербург, Россия

**ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА
В СВЕТЕ САМОРЕФЛЕКСИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(Рецензия на монографию: Своеобразие и мировое значение
русской классической литературы (XIX — первая половина XX столетия).
Идеалы, культурно-философский синтез, рецепция: коллективная монография /
сост., отв. ред. А. А. Дырдин. М.: ООО ИПЦ «Маска», 2017.
432 с. (Серия «Русская классическая литература в мировом контексте»))**

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; русская культура; рецензии.

N. S. Tsvetova
St. Petersburg, Russia

**CLASSICS IN THE LIGHT OF SELF-REFLECTION OF RUSSIAN CULTURE
(Review of a monograph: The Uniqueness and Global Importance of the Classical
Russian Literature (XIXth — the first half of the XXth centuries). Ideals, Cultural
and Philosophical Synthesis and Comprehension: multi-author monograph /
edited by A. A. Dyrdin. M.: ООО ИПЦ «Maska», 2017. 432 p.
(Series «Russian Classical Literature in Global Context»))**

Keywords: Russian literature; Russian writers; writing; Russian culture; review.

В небольшом предисловии к сборнику, в котором читателю представляются его основные темы, ракурсы и принципы прочтения шедевров русской литературы, приводятся слова П. М. Бицилли: «В классической русской литературе нашли свое самое острое, самое углубленное выражение все стороны проблематики Духа — у каждого писателя какая-либо одна, — и потому все они взаимно друг друга восполняют и тем самым уясняют». В этой цитате заключен глубокий смысл. Сказанное относится не только к свойству классики быть выражением жизнестойкости творческого духа народа, но и к задаче, стоящей перед авторским коллективом: продемонстрировать нераздельность эстетических и нравственных идеалов, сложившихся в «золотом веке» русской литературы, и художественных идей, воплощенных в произведениях наследников классической эпохи.

Книга побуждает читателей к размышлениям, к совместному с авторами статей поиску этических основ, художественных высот, ценностно-смыслового единства, которыми выверяется классическое творчество на разных этапах своего развития.

Структура сборника подчинена объединяющему все её части представлению о том, что наша классическая литература — это оригинальное явление в отечественной и мировой культуре, концентрирующее в себе исторический, философский, религиозный опыт русской цивилизации. Статьи коллективного труда сгруппированы в три раздела: «Век XX. Генезис», «Век XX. Развитие и переосмысление традиций классики», «Контексты восприятия, художественная рецепция, творчество писателей классиков в англоязычной критике». Дополняет содержание рецензируемой книги библиографический указатель «Русская литературная клас-

сика XIX–XX», в который вошли монографии, статьи из сборников и периодических изданий, представляющие исследования, проведенные за последнее десятилетие, наиболее близкие тематике сборника.

Открывается первый раздел статьей А. Ю. Большаковой, сосредоточившей внимание на первоисточках классических произведений, «линиях преемственности», которые берут своё начало в идейно-образной системе русского Средневековья. По мнению исследователя, движение русской литературы было единым, а непрерывность ее развития обеспечили духовная устремленность и глубинные концепты, архетипы. В статье выделяются нуминозные и философские, сюжетно-ситуативные и природные (натурфилософские) архетипы, главный из которых — Родная / Русская Земля (Мать, Родина), связанный с земледельческими циклами и родовыми традициями. В ментальном мире Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, представителей «деревенской прозы» А. Ю. Большакова акцентирует универсальное значение «родового гнезда» — «краеугольной ценности» Руси-Деревни». Вместе с тем, русской классике не были чужды «вечные образы» мировой культуры, несущие в себе яркое личностное начало и проявляющиеся на уровне героя.

Месту и роли русского языка и литературы в формировании национального мышления посвящена статья Е. И. Костина «Пушкин и Чаадаев. К поискам “русского пути” в истории: место и роль русского языка и литературы». Рассматривая вклад А. С. Пушкина в национальную словесность, он показывает гениальность поэта, состоящую в порождении новой онтологии, новой картины мира. По определению ученого, Пушкин раскрыл гносеоло-

гическую и эпистемологическую потенциальность русского языка. Е. А. Костин отмечает особую мирозерцательную целостность художественного мира Пушкина, соединение в нём двух сущностей: умение прозревать глубины национального духа и глубинное понимание истории. Этими свойствами создатель нашей самобытной литературы отличался от Чаадаева, который проиграл в споре с Пушкиным «о правоте или неправоте западной цивилизации по сравнению с русской».

В развитие идей С. С. Аверинцева Е. А. Костин отдает предпочтение культурному эффекту «мгновенного», глубинного «проникновения в самую суть как русской истории, так и русского человека», проявившемуся в нём как национальном типе и в творчестве Пушкина, как гениальном выразителе русского характера и религиозного чувства, сохранившегося в советскую эпоху.

Проблемам русской жизни, отраженным в классических произведениях А. С. Грибоедова (комедия «Горе от ума») и А. С. Пушкина («Борис Годунов»), посвящены две работы М. Г. Альтшуллера. В первой из них автор рассматривает роль фольклора в литературной позиции участников «Беседы русского слова» и в формировании эстетики Грибоедова. Во взглядах старших и младших архаистов он раскрывает родство с народным сознанием и мироощущением, отмечая схождения у тех и других в представлении о самобытном, «не европейском пути развития отечества», называет Грибоедова самым талантливым из архаистов. Анализируя монологи и ремарки трагедии Пушкина, М. Г. Альтшуллер исследует его историософскую концепцию. Более трагичной и верной с этой точки зрения автору статьи видится первая ремарка, которая «подчеркивает жуткую круговерть истории, снова и снова возвращая нас на те же круги буйства народного, не менее страшного, чем пресловутые круги Дантова ада».

Интересны наблюдения В. Т. Фаритова, последовательно рассматривающего в трех небольших статьях мифопоэтические мотивы и философские аспекты пушкинских творений (поэма «Полтава» и роман в стихах «Евгений Онегин»), а также переклички с «Фаустом» Гёте в сказке П. П. Ершова «Конёк-горбунок». Констатируется, что выявленные символические образы, мотивы договора с дьяволом, посещения потустороннего мира, похищения жены имеют архетипические корни. Концепция времени у Пушкина, по замечанию В. Т. Фаритова, богата «философскими импликациями». Он считает, что подлинными временными модусами являются «модусы время автора и Татьяны». Время стало «главным героем произведений Пушкина, а “Евгений Онегин” представляет собой не только реалистический, но и экзистенциальный роман».

Второй раздел коллективного труда включает статьи об авторах-классиках XX века. В нём продемонстрированы идейно-эстетические и литературно-исторические приоритеты участников рецензируемого издания. Они обращаются к творчеству ключевых фигур столетия, ставшего временем коренных перемен в национальной жизни и внутри самого литературного процесса, где совместились литера-

тура дореволюционная, непосредственно примыкающая к классике или интегрированная в неё, советская и перестроечная. Составитель сборника избрал, как и в первом случае, хронологический принцип расположения материала, который позволил высветить синтезирующие факторы во всех текстах этого раздела.

Так, уже в первой статье Н. А. Балаклеец и В. Т. Фаритова «Петербург Андрея Белого как трансгрессивный роман» предпринята попытка осмыслить авторские принципы и приёмы изображения мира на основе концепта трансгрессии, стирания границ между реальностью и вымышленным бытием.

Пересечение и взаимопроникновение в романе различных измерений времени, трансгрессий пространства (образ Петербурга), тела, сознания, порождает его особую поэтику, характеризует как пробу преодоления «российского хаоса». У А. Белого Россия — трансгрессивный феномен, «постоянно ускользающий от власти европейской рациональности».

Тему специфики и закономерностей русской литературы продолжает А. И. Ванюков. Он восстанавливает творческую историю, выделяя в содержании трех книг 1917 года характерные черты переломной эпохи: «Лик скрытый» И. С. Шмелева, «Храм Солнца» И. А. Бунина и «Странствия и приключения Никодима Старшего» — первого романа из задуманной А. Д. Скалдиным (1889–1943) трилогии. Шмелевский рассказ прочитывается в ракурсе жанра путевых происшествий, как воссоздание в нём «русской жизни с её видимыми, осязаемыми приметами времени и внутренними, скрытыми, чувствуемыми, интуитивно постигаемыми “лика́ми”, основами». В статью-обзор наряду с рассмотрением поэтики насыщенных христианскими образами и лиризмом произведений А. И. Ванюков включает читательские отклики, рецензии. Констатируется, например, раздвоение в сознании современников бунинских произведений на поэзию и прозу, которая явно уступала стихотворениям. В научный оборот вводятся новые факты творческой биографии малоизвестного русского писателя, проясняются символично-поэтические и религиозно-философские контексты скалдинского творчества, замеченного А. Блоком.

Интересными наблюдениями в статье «Миражи истории и метафизический образ мышления в прозе раннего Л. Леонова» делится В. С. Воронин. Его главный тезис — присутствие в мире художника-философа игры противоречий, расщепляющих единый текст на части, детали, «своя каждая из которых просвечивает целое и сверхцелое». Вся леоновская проза, по мысли автора статьи, пронизана ощущением сложности и взаимосвязанности происходящего в исторической жизни страны и человечества. Сюжеты леоновских книг строятся на обсуждении его героями философских проблем бытия человека в истории, взаимодействия людей и событий. Леоновское отражение истории В. С. Воронин соотносит с гипотезами Л. Гумилева, парадоксами смещения времен и моделями катастроф, апокалиптикой. Леонов в своих ранних произведениях показывает революционные события в русской провинции по логике абсурда, становящегося истоком и движущей силой совершающегося в России духовно-

культурного переворота. Только наличие духовного компаса и веры может привести Россию и земную цивилизацию к победе над злом, как вслед за автором «Пирамиды» утверждает В. С. Воронин, сможет вывести человечество из тупиков истории, преодолеть исчерпанность возможностей диалектики и метафизики, мистики и атеизма.

Отправной точкой исследования А. Б. Удодова стал вопрос о мировоззренческих ориентирах авторской картины мира. Статья под характерным для методологии литературоведа названием «"Русская картина мира" в отечественной философии и литературе» связана с понятием «национальная идентичность», выявлением ключевых ценностных основ национальной жизни в исторической динамике. Истоки русской литературы XX века автор статьи находит в укорененности России в картине мироздания, осмысленной через измерение её духовными критериями. Крупнейшие полотна 1920–1930-х годов (о них идет речь в рассматриваемой работе) не вмещаются в рамки трех составных частей русской литературы: Русского Зарубежья, официальная, называемая советской, и альтернативная — «задержанная». Объявляя вершинами отечественной прозы «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Хождение по мукам» А. Н. Толстого и «Тихий Дон» М. А. Шолохова, А. Б. Удодов видит объединяющим их началом «традиционную доминанту русской литературы» — правдоискательство, ситуацию «очной ставки» человека с миром. Художественные концепции трех выдающихся писателей рассмотрены им в плане историческом, в сравнении с геотническим, социокультурным феноменом «русской равнины», по убеждению Н. Бердяева, В. Соловьева и Е. Трубецкого, Г. Федотова, одного из главных формирующих начал национального самосознания. Посвящая множество страниц своей статье «Тихому Дону» Шолохова и образу Григория Мелехова, исследователь проецирует на романский эпос парадигмы русской философии — «своего рода хронотопические архетипы национального сознания»: трансцендентность, совмещение противоположных начал, устремленность к природе. Художественная картина мира, воплощенная в текстах писателей классического склада, складывается, по А. Б. Удодову, не из традиционного со- и противопоставления Востока и Запада, а из синтеза позиций, духовно-ценностного приоритета над миром «продуктивно-инструментальным». В качестве объединяющих эстетических идей провозглашаются «правда», совмещение в национальном образе мира временных и пространственных координат.

Ряд статей, вошедших в коллективную монографию, выходит за рамки традиционного понимания классического. В частности, это относится к наследию А. Платонова, гениальное творчество которого характеризуется размытостью границ между классическим и авангардным искусством.

Реальным подтверждением взгляда на А. Платонова как на писателя «русской школы», художника философского склада явилась публикуемая в разделе работа Н. Хрящевой «Феномен человека онтологического: о характере изображения персонажей в романе А. Платонова "Чевенгур"». По

мнению исследователя, платоновский философский антропологизм проявляется на всех уровнях текста: в отражении культуры и быта, в использовании религиозно-фольклорной лексики и представлений как реальности той среды, в которой он бытовал. При этом она отмечает, что сюжет «Чевенгура» «цементировался автором как художественная целостность именно потребностью изобразить увиденный и глубоко осмысленный им вариант человеческого сознания, который представляют *прочие*», — герои, олицетворяющие авторские «мечты о новом человеке и преображенном человечестве».

А. А. Дырдин в статье «Михаил Шолохов: единство духовного и эстетического» ставит вопрос об онтологических основах прозы художника эпического склада. Придерживаясь точки зрения, согласно которой в шолоховском художественном мире преобладают трагический историзм и культурно-христианские смыслы, он обнаруживает семантические (образно-символические) отражения этой составляющей национального самосознания в картине мира, в мотивной системе и притчевой огласовке шолоховского стиля. Такой подход оказался плодотворным при выявлении духовно-нравственных констант «Тихого Дона» и других произведений писателя-классика XX века.

Раздел «Контексты восприятия. Художественная рецепция. Творчество писателей-классиков в англоязычной критике» дает представление об открытости отечественной классики, координатах её воздействия на мировой литературный процесс и межкультурных взаимосвязях. Предметом наблюдений Б. Р. Косановича стало увлечение А. С. Пушкина славянской темой. Под этим углом зрения рассмотрены «Песни западных славян», в которых автор статьи находит свидетельства знания поэтом реалий жизни Балкан, её географии, культурной, этнической и конфессиональной сфер. В центре статьи — ономастика пушкинских переложений, «балканская модель мира», воспринятая русским поэтом. На основании обнаруженных в пушкинском цикле «следов» влияния сербской народной поэзии делается вывод о том, что Пушкин в своих авторских песнях и переложениях / адаптациях отразил своеобразие сербского мира в большей степени, чем мнимые «источники» Мериме. Сербский славист заключает свои наблюдения констатацией значимости «Песен западных славян» в эволюции пушкинского стиха.

Еще одно ценное наблюдение мы находим в статье Л. А. Мосуновой, исследующей судьбу православной книги, её природу и типологию, проблему взаимоотношений классической литературы и православного мировоззрения. Вводя читателя в святая святых русской письменности — историю духовной литературы, она говорит о православной книжности как источнике, определившем своеобразие и мировое значение нашей классической литературы. Не обойдены в статье дискуссии, затрагивающие место духовно-просветительских изданий в современности, противостояние несущих христианские ценности книг (в т. ч. — художественных) и массовой литературы.

К наиболее ярким, глубокомысленным материалам сборника, в которых осмыслено взаимодействие художественных систем XIX и XX столетий, надо отнести работу И. И. Плехановой «Идеи русской религиозно-нравственной философии в публицистике В. Распутина» и статью П. С. Глушакова «Рецепция русской классической литературы в рассказе В. Шукшина “Забуксовал”». И. И. Плеханова, опираясь на постижение рефлексии В. Распутина по поводу религиозности миропонимания русских философов, констатирует его созидательную силу для национального сознания. Творчество недавно ушедшего из жизни русского писателя и мыслителя представлено в единстве художественных творений и публицистики. Слово писателя, обращенное «родному и сокровенному», обуславливается его талантом, который «персонифицировал традиционалистский вектор» национальной мысли («в давней и неразрешимой борьбе оппозиций: западники — славянофилы, революционные демократы — народники, либералы — национал патриоты»). Согласимся с итоговым суждением литературоведа, напрямую связавшего творческую, идеологическую и гражданскую позицию выдающегося национального писателя с осознанным стремлением следовать заветам русских святых, мыслителей и художников XIX–XX вв. (Н. Данилевского, Ф. Достоевского, Н. Бердяева, К. Леонтьева, И. Ильина, В. Розанова, П. Флоренского, Г. Федотова): наша «религиозно-духовная философия демонстрирует их (идей и убеждений — *Н. Ц.*) независимость от времени, и, следовательно, они принадлежат коренному образу мышления».

В статье, имеющей предметом изучения редко попадавший в поле критического внимания рассказ В. Шукшина «Забуксовал», П. С. Глушаков реконструировал интертекстуальные его связи с наследием А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, а также с есенинской поэзией. Его трактовка образных, семантических переключек между произведениями классиков и шукшинским текстом «с постоянно мерцающими смыслами» основана на сближении пороговых ситуаций, тем и мотивов (образ тройки, мотивы скуки, смерти и др.), этимологии имен и фамилий, характе-

ра героя рассказа с *забуксовавшими* персонажами русской литературы. Заслуживает внимания способность исследователя соединять шукшинские характеры с претекстами, процессами смыслопорождения и образотворчества. Опорные литературные концепты, тематический параллелизм призваны символизировать различные модели отношения к миру, доказывают, как считает автор статьи, приверженность Шукшина традициям русской классики.

Важность рецензируемого труда трудно переоценить. Он интересен не столько выбором имен и произведений (выбор этот порой кажется неожиданным), сколько продуманной концепцией книги, раскрывающей существенные аспекты национального литературного процесса. Мысль о необходимости изучения национального семиозиса — главная идея, относительно которой формируется в качестве идейно-эстетического единства почти двухсотлетний период отечественной литературной классики с его проекцией в будущее. Глубина охвата материала, которой отмечены отдельные статьи, является одним из весомых достоинств книги.

Составленная из разных по объему и литературоведческому уровню работ книга читается на одном дыхании: как единое повествование о развитии нашей словесности, эстетико-художественном отражении в ней реальных событий, культурных контекстов, диалектической связи прошлого и настоящего — с будущим России.

Сборник — своеобразная веха изучения судеб отечественной классики, коллективный научный труд, подводящий промежуточные итоги на этом пути. В нем много новых интерпретаций исследуемого текста, зорких наблюдений над его характером, интегрирующим философские, духовно-религиозные, исторические знания о Руси-России. С нашей точки зрения, книга войдет в ряд исследований последних лет, отвечающих на актуальные потребности национального самосознания. На страницах издания во многом по-новому представлены художники русского слова, чьи произведения дают реальный срез нравственно-духовной жизни народа, его исторического и культурного самобытия.

Данные об авторе

Наталья Сергеевна Цветова — профессор кафедры медиалингвистики, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб, 7/9.

E-mail: cvetova@mail.ru.

About the author

Natalia Sergeevna Tsvetova, Professor, Department of Media Linguistics and Mass Communication, St. Petersburg State University (St. Petersburg).